

Ч

ЧЕЛОВЕК не кончается с тем, что мы определяем как физическая смерть. Дело не в «мире ином» — мы только одним миром располагаем. И в нем — остаемся или не остаемся. Однако люди все же стараются доступными им средствами не потерять ушедших.

Это можно назвать — как вариант — бассмартием.

«...И ушел в бессмертие», — так сказала Наталья Крымова о Владимире Высоцком в финале своей двухсерийной телепередачи о нем (режиссер Андрей Торстенсен).

А можно сказать: пришел.

Будет ли куда прийти — определяет наша жизнь с поправкой на мнения оставшихся. И вот тут — мертвые-то сраму не имеют — нам зачастую недостает понимания, любви, уважения и, наконец, справедливости.

Для многих эта передача о Владимире Высоцком откровением не является — знают и помнят, частью собственной жизни считают, но и для многих же (уж неизвестно, кого больше) послужила, уверен, от рытием сильного и яростного мира его личности, напоминанием о том, как крепко человек повязан со своим временем — да и только ли со своим в данном случае, ведь Высоцкий — продолжается.

Он продолжается в нашем, сегодняшнем времени, очень нужный ему. Он будет жизненно необходим еще долго. И я имею в виду вовсе не ту простенькую, довольнотакти обывательскую форму выражения одобрения — пел, мол, во весь голос о том, о чем мы только сейчас говорим.

Вобщем аллюзии точны довольно относительно (да ассоциация) и не претендует на значение протокола. Вот звучит с телеэкрана голос Высоцкого — Лопухина (уяв, только голос...) — куражающийся, в момент торжества («Вишневый сад теперь мой!»), в момент победы и упоения он вдруг растерянно и тоскливо выдыхает: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная несчастливизация

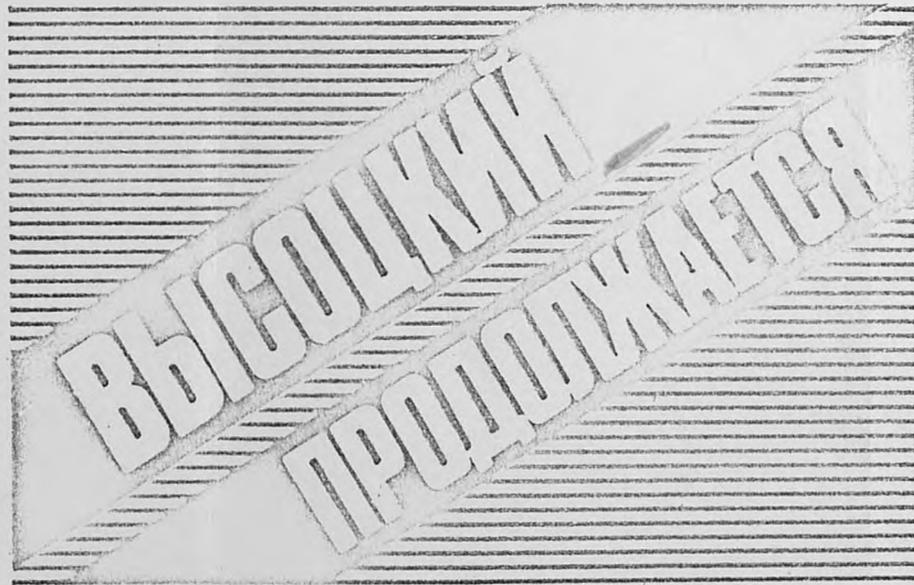

лень, восстать, вооружиться, победить или погибнуть, умереть, уснуть...»

Это — «про когда?»

Это мы в каком веке более предпочитаем «мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»? «Проклятые вопросы» вечны, и потому человек, ярко их перед нами поставивший однажды, — продолжается. Он свидетелем

точки зрения, что не «монополярна»: слово предоставляется самым разным людям — это наладчик В. Салапин и маршал авиации Н. Скворцова, космонавт Г. Гречко и шахматист Г. Каспаров, а еще — Б. Окуджава, М. Ульянов, Ю. Никулин, В. Кондратьев, Вс. Абдулов и — к счастью — Марина Влади. Таким образом как бы подчеркивается значение «эскадронного Володи», чьи песни подлинно демократичны, они —

жизнь». Можно было в свое время удовлетворенно повторить эту фразу на свой счет — с учетом календаря, порадовавшись на собственную отзывчивость к отечественной слезности и ассоциативную сметливость, но... Но что, при ином календаре, хотя бы нынешнем, не может жизнь человека нескладной быть и несчастливою?

И канатоходцы всегда ходят без страховки (если они настоящие канатоходцы, а не имитаторы, под скелет разрисованные, с фальшиво-роковым рокотом барабана).

И Ваня с Зиной еще долго будут сидеть перед телевизором — «Ой, глянь, какие попугайчики...».

Время на «тогда» и «сейчас» все-таки делится: оно — всегда. И прошлое не проходит, и будущее живет в нас.

Послушайте Высоцкого — Гамлета:

«Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Достойно ли терпеть безропотно позор судьбы или нужно оказать сопротивление

на одного только времени остается, в котором ему жить довелось. Поэтому и не стоит воспринимать Высоцкого как милое ретро. Существуют обстоятельства образа жизни, но есть и обстоятельства образа действия. Об этом точно сказала в передаче Н. Крымова: он раздвигал привычные рамки восприятия жизни и ее проблем, а многие этого боятся. Высоцкий продолжается и потому в том числе, что боязнь продолжается.

Во имя этого понимания и создана передача Н. Крымовой. Она удачна с той

«всехние». И интересно наблюдать, как люди самым разным лепят объемный «портрет восприятия», отчасти дополнив друг друга, но сходясь в глазном.

И даже если вы, допустим, не услышали ничего лично для себя нового, в душе все равно осязаете чувство благодарности, ибо на наших глазах утверждается справедливость.

Мы лучше понимаем его как человека и поэта — и лучше понимаем себя. Не учимся «быть Высоцким», а учимся быть собой, всегда собой. Как он.

Вот он поет, Гамлет в таганском свете:

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.*

Он поет слова Бориса Пастернака, но — из его горла — они звучат такими «высоцкими»...

И стихи Семена Гудзенко во фрагменте из спектакля «Павшие и живые» читает, словно свои, кровные, а слова, будто в благодарность за понимание, звучат опять совсем «по-высоцки».

«Давал желание жить», — сказала о Владимире Высоцком в этой передаче Марина Влади. Какое верное определение — действительно так! Это так — при всем трагизме иных его песен, где даже «ангелы поют такими злыми голосами», где «мы бредим от удущья», где жизнь так часто летит по гибельному краю, — но пока еще хоть на глоток воздуха остается, пока не взорвалось сердце, нужно гнать своих яростных коней.

Как писал Виктор Шкловский: люди слушают Высоцкого и вспоминают, что они люди.

Его не устоявал «бег на месте общеприимряющий» — он рвался вперед яростным иноходцем: «Я скачу, но я скачу иначе»...

И самопророчество: «Мне допеть не успеть...»

Сильные люди не боятся смерти — вот последние строки последнего стихотворения Владимира Высоцкого:

*Мне есть, что спеть,
представ перед всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед ним.*

Ему есть, что спеть нам. Жизнь человеческая не кончается, покуда на свете остается хоть крошка памяти по нему, хоть травинка малая.

Будем помнить ушедших вперед. Владимир Высоцкий продолжается.

Алексей ЕРОХНИ